

ФОЛЬКЛОРНЫЙ ВЕРБАЛЬНЫЙ КОД ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИНФОРМАЦИИ¹

© 2005 Т.С. Соколова

Белгородский государственный университет

Тенденция к глобализации в области экономики, социального обустройства государственных сообществ, духовный диссонанс конца XX в. – начала XXI в. отражается в языках больших и малых народов. На конец 2001 г. определено, что каждые две недели на планете “умирает” один из языков. Настоящие прогнозы языкового состояния мира также малоутешительны. Предполагают, что из ныне существующих 6 тысяч языков к 2100 году на планете останется около 3 тысяч, позднее – всего четыре языка: английский, французский, китайский и русский (по исследованиям World Watch Institute). Столь скромное мировое единство языков в дальнейшем не будет радовать наших потомков своим разнообразием, поскольку устоявшие во времени языки не смогут сохранить свою уникальность, свое изначальное богатство. Что следует предпринимать, чтобы столь негативный прогноз не осуществился? Полагаем, что стоит повысить градус пристального внимания к отечественному языку, следует обратиться к его запасам, часто сопровождаемым “обидным” определением *наследственные*. В наши дни опытом бережного собирательства языковых фактов, уникальных в ореоле своего позитива, предстает “Словарь богатств русского языка” [1] В. К. Харченко, доктора филологических наук, профессора Белгородского государственного университета.

В запасниках, как известно, хранится то, что не для суеты, но для эстетического наслаждения. Таковым предстает и *фольклорный язык*, который информативно емок в своей активной памяти о духовной и материальной культуре русского народа. Через язык русского фольклора “прошедшее входит в настоящее, а будущее как бы предугадывается настоящим, соединенным с прошедшим” [2, 79].

Многоаспектное изучение языка русского фольклора осуществляется в рамках лингвофольклористики, представляющей собой комплексное научное направление. Изучение специальной литературы по истории лингвистического осмысления языка разножанровых фольклорных произведений показывает, что, несмотря на очевидную активизацию исследовательского интереса, она все еще не приобрела силы устойчивой доминанты. В современных этнокультурных лингвистических изысканиях язык русского фольклора как специальный объект остается не до конца раскрытым в аспекте отражения категориальных, ментально-понятийных универсалий. Системное рассмотрение фольклорной концептосферы как источника этнокультурной информации позволит по-новому взглянуть на общие проблемы лингвофольклористики, языка фольклорной поэтики и в какой-то степени в целом на науку о человеке.

Основой нашей проблемы в данной работе в общих чертах является положение, что язык произведений русского фольклора следует расценивать как источник антропо- и этнокультурной информации, специфически объективированной вербальным кодом в жанровых версиях базовых концептов, посредством которых модулируется фольклорная языковая картина мира. Наряду с изложенной основой рассматриваемой проблемы, мы принимаем в расчет ряд ее существенных сторон.

1. Сущность *языка фольклора* мы расцениваем как *социолингвистическую категорию*, исторически меняющуюся во времени. В этом плане подтверждающим основанием предстает высказывание В. Я. Проппа, являющееся убедительным и в наши дни: “Генетически фольклор... сближаем не с литературой, а с языком, который также никем не выдуман и не имеет ни автора, ни авторов. Он возникает и изменяется совершенно закономерно и независимо от воли людей, везде там, где для этого в историческом раз-

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке внутривузовского гранта (ВКГ 132-05).

витии народов создались соответствующие условия” [3, 138]. Ценную лингвистическую идею этого высказывания позволим себе дополнить уточнением, что фольклорный язык своим текстовым содержанием свидетельствует, что в древности слова язык и народ были едиными.

2. Для нас также важно всегда держать в поле зрения корреляты понятий фольклорный язык — нефольклорный язык, которые во времени постоянно находятся в динамической координации, иначе — в отношениях регулярной соотносительности, одновременной противопоставленности и взаимодополняемости. Язык фольклора соотносится с нефольклорным языком в разных аспектах. И. А. Оссоветский, известный лексиколог, диалектолог, лингвофольклорист, в своей работе, которую мы признаем программной и в современной лингвофольклористике, подчеркивает: “Прежде всего, это соотношение языка фольклора с общенародным языком, под которым понимается весь русский язык в целом, как литературный, так и русские народные говоры” [4, 68].

Здесь позволим себе уточнить, вслед за Н. И. Толстым, что парадигма русского языка включает не только литературный язык, говоры, но и просторечие, жаргоны, идиолекты (речь индивида). В соответствии с этой парадигмой, по утверждению Н. И. Толстого, формируются функциональные пятичленные парадигмы словесности и культуры. Состав парадигмы национального самосознания, по замечанию ученого, определяется религиозной, общеплеменной, народной, местной, государственной принадлежностью субъекта самосознания [5, 140]. Заметим, что в лексиконе фольклорного произведения к идиолектным привнесениям могут быть причислены факты словотворчества самих сказителей, песенников или трансформации исполнителями традиционных языковых средств. Небольшие по численности, они, тем не менее, составляют отличительную часть фольклорного лексико-фразеологического строя и участвуют в объективации содержания концептов.

С каждой из отмеченных нефольклорных языковых подсистем язык фольклора имеет свои сложные и специфические взаимоотношения, которые не позволяют фольклорные факты прямолинейно сопоставлять с их языковыми данными. При этом методологически полезным, считаем, является следующее замечание И. А. Оссоветского, актуальное и в наши дни: “...некоторые исследователи языка фольклора как бы забывают о специфике своего материала и без каких-либо специальных разъяснений непосредственно сопоставляют его с литературным языком, что в настоящее время выглядит анах-

ронизмом” [4, 68]. В связи с этим, разделяя приведенное замечание, добавим, что с точки зрения стиливых разновидностей литературного языка нет никаких оснований стиль устно-поэтических произведений включать в их число, причем считать его неосновным стилем литературного языка.

Рассматривая язык фольклора с позиции наддиалектности — диалектности, следует помнить о специфике сопоставляемых величин. “Язык фольклора нельзя отрывать от его почвы — народных говоров, но и нельзя не видеть того, что их различает. ...Неидентичность языка фольклора и народного говора, — подчеркивает И. А. Оссоветский, — не только не предполагает, но и непременно обязывает анализировать язык фольклора в его связи с народными говорами. Язык фольклора обладает такой системой характеристик, которые выводят его далеко за пределы конкретного говора со всеми его стилями” [4, 69]. В развитие этого положения приведем суждения Е. Б. Артеменко о том, что отбор и введение общедиалектных элементов (но не территориально ограниченных) осуществляется под эстетическим углом зрения. В качестве материала художественного творчества используются наиболее совершенные формы выражения, без признаков обиходной диалектной речи (несамодостаточность, неупорядоченность, спонтанность) [6, 40].

При ведущих аспектах анализа в синхронии и диахронии — лингвокогнитивном, функционально-семантическом, этимологическом и др. — фольклорного номинационного потенциала как манифестанта этнокультурной информации существенной является характеристика языка фольклора как поэтического языка. Фольклорный язык, наделенный специфическими чертами поэтики, представляет собой особую художественную систему, которая интегрирует разнообразные факты общенационального языка, а также явления своего имманентного развития.

Не бесполезным для нас предстает определение языка фольклора и сквозь призму восприятия носителем литературного языка (или диалекта), которым, наряду с исследователем, является и читатель (слушатель): «... все отличия от кодифицированных норм воспринимаются как эстетически маркированные, все это обогащается эстетическим “приращением смысла”, имеет отстраненный характер, причем по эстетической функции совпадут как собственно художественные языковые средства фольклора, так и его диалектные черты, которые для носителя литературного языка тоже будут восприниматься как иносистемные и стилистически маркированные...» [4, 74].

В ряду приведенных программных положений, на наш взгляд, ключевым и самым главным, независимым от избираемых аспектов исследования языка фольклора, является то, что “язык фольклора следует интерпретировать как метасистему, включающую в себя подсистемы отдельных его жанров, в которых она конкретно реализуется. В пределах жанра, — подчеркивает И. А. Оссовецкий, — язык фольклора представляет собой более однозначное стилевое образование, хотя расхождения и могут наблюдаться, если жанр достаточно разнообразен; ср. например, язык фантастической сказки и сказки новеллистической...” [4, 69].

В свете сказанного еще раз подчеркнем, что язык фольклора — это художественный континуум языковых единиц, где диалектически сплавлены его образующие, наделяемые в фольклорно-творческом процессе лингвоэстетическими свойствами.

3. С позиции корреспондирующих коррелятов фольклорный язык — нефольклорный язык главным в рассмотрении нашей проблемы является определение особенностей фольклорного вербального кода как репрезентанта этнокультурной информации.

В метаязыке лингвистических описаний термина этнокультурная информация еще нет устоявшихся толкований. Определяя этнокультурную (или этносоциальную) информацию как синтезированный феномен, исследователи единодушно отмечают ее когнитивный генезис. В лингвистике суть когнитивного генезиса этнокультурной информации, на наш взгляд, наиболее убедительно интерпретировать с учетом положений, высказанных С. В. Лурье в связи с рассмотрением понятий этническая традиция и этническая картина мира (образ мира) как ее составляющая [7, 273-274]. Их неизменные элементы — это этнические константы, т. е. ментальные признаки, по комментарию В. В. Колесова [8, 17], образующие “центральную зону культуры” (Эдвард Шилз). Составляющими “центральной зоны культуры” являются, как объясняет С. В. Лурье, адаптационно-деятельностные модели, иначе — определенный модус личности, который охватывает всю сферу психического и влияет на восприятие человеком окружающего мира. Образ мира, подчеркивает С. В. Лурье, является основополагающей компонентой культуры этноса и, следовательно, индивидуален для каждой культуры. Этнические константы — ментальные признаки — неизменны на протяжении всей жизни этноса. Они являются условиями адаптационной деятельности в познании мира. Целью же действий, как объясняет В. В. Колесов, анализируя лингвистическую концепцию

С. В. Лурье, предстают ценностные ориентации, которые во времени могут меняться, поскольку являются результатом свободного выбора людей. “Любой этнос может принять любую ценностную ориентацию” — “этот выбор не детерминирован для человека генетически” [7, 274].

Прореферированные положения относительно представленных понятий для нас весьма существенны при лингвокогнитивном осмыслении исторически сложившихся этнических стереотипов в адаптации и познании окружающего мира и ценностных ориентаций в нем, которые, несомненно, наиболее естественно обнаруживаются и особо репрезентируются вербальным кодом фольклорных жанров.

Также в ряду актуальных задач когнитивной лингвистики, как справедливо подчеркивают З. Д. Попова, И. А. Стернин [9, 17], особое место занимает вопрос разграничения концепта и языковых средств его выражения. Решение данной задачи применительно к фольклорному языковому материалу из текстов различных жанров пока не отличается интенсивностью приводимых аргументов.

Русский фольклорный текст — устный, письменный — является поликодовым в объективации познавательной деятельности человека. Текст соткан из знаков различных информационных кодов, но ведущей остается вербализация, вбирающая в себя функции предметного, акционального кода, которыми обычно оформляются обрядовые жанры. Лингвисты в первую очередь работают с письменно зафиксированными текстами, которые жанрово “перетекают” один в другой и образуют художественный текстовый массив, обеспечивающий объективацию “смысловых сгустков” этнических адаптационно-деятельностных знаний человека о внешнем и внутреннем мире. См. присутствие элементов жанра причитания в былинах при обозначении водной глади и протяженности по вертикали вниз (до дна) как особо отмеченной пространственной зоны — сакральной, предназначенной для ритуальных действий в эпоху язычества: Когда ж ты меня поотродила, / Свертела ты б меня в камочку крупчатую, / Снесла бы ты меня да **край синя моря**, / Спустила б ты меня на святу воду, / Так шол бы я туды на само дно, / Лежал бы и да й место камешка... [10, I, 100]. См. еще пример о вербальном отражении обрядового действия, связанного с внутренним (личностным) пространством человека. Такой фрагмент пути-дороги, как начало семейной жизни женщины (еще невесты), сосредотачивается в закрытом пространстве — внутри родного дома в пределах (около) его центрального локуса — стола, а также его частей, атрибутов. Так, ритуальное действие рус-

ской свахи — взяться за угол стола и сдвинуть его с места — перед тем, как начать переговоры с родителями невесты, сопровождается приговором: *“Сдвину я столечницу, сдвину я сердечную”*. Это означает: сватовство должно состояться, и невеста тем самым будет приближена к жениху. Вербальное сопровождение обрядового действия иллюстрирует лишь внешнюю сторону предстоящих изменений в жизни женщины. Песенная кинетическая номинация, являясь своеобразным поэтическим продолжением обрядовых действий, не просто дополняет сюжет, но и выступает этикетным знаком обрядовой культуры внешнего и внутреннего поведения человека. В песне ритуальное действие невесты — *обивать руку (ручушку) о дубовый (тесовый) стол* — это не только символ прощания дочери-невесты с отеческим домом, но и объективация проявления чувств, образующих внутреннее (эго-, личностное) пространство человека: Да по терему Манечка гуляла. / *Об дубовой стол ручушку обивала.* / Да усе ж она батюшку будила. / Да устань, проснись, батюшка родимай. / Да не надолго ж я тебе досталась [11, 47].

Рассматривая содержание фольклорного текста как лингвоэстетическую ценность, мы считаем, что его вербальные составляющие следует воспринимать не просто в качестве языковых знаков тех или иных категорий бытия. Эффект плотной связанности композиции и сюжета устно-поэтического текста и лаконичность его жанровых объемов, заданных традицией, обуславливают номинацию характерологических признаков фольклорных концептов посредством словарной системы, двоякой по своему характеру. С одной стороны, это лексическая система, состоящая из отдельных слов (словарь монологический), находящихся во взаимообусловленных связях и отношениях. С другой стороны, это система текста, состоящая из текстовых отрезков (словесных комплексов в своих разновидностях), которые по объему больше, чем слово. Но особо подчеркнем, что фольклорное слово наделено отличительным свойством — тяготением к блоковости. Стремление отдельного слова к блоковости в словаре фольклорного текста выступает, прежде всего, как свойство номинативное и одновременно объективирующее содержание концепта. При этом в плане номинирования природу блоковости можно квалифицировать как сигнал к переходу от малодостаточности лексического способа номинирования к необходимому дополнению текстовыми номинантами (бинарными, многокомпонентными сочетаниями, тематико-ситуативными комплексами), являющимися уже единицами синтаксического способа номинирования. Словесные комплексы, являясь

фактами внутренних номинативных ресурсов словаря текста, свидетельствуют также о поэтапности и динамике языкового освоения окружающего мира, а в связи с этим о соответствующих способах маркирования его реалий.

Ограниченность во времени лексического способа номинирования в процессе адаптационной деятельности человека на определенном этапе стала дополняться, прежде всего, номинативными возможностями именно атрибутивных сочетаний в своих разновидностях. Считаем, что в пределах фольклорного текстового (синтаксического) способа номинирования наиболее продуктивным предстает атрибутивный способ. В языке фольклора бинарные номинанты типа прилаг. + сущ. преобладают по количеству и частотности употребления.

Богатейший номинативный пласт атрибутивных сочетаний, в число которых входят фольклорные “пространственные” номинации, позволяет вербально зафиксировать в определенном семантическом объеме степень познания пространства с избирательным выделением ценностно значимых признаков. Каждый из выделенных признаков на стадии “поэтического” мышления древним человеком воспринимался как символический, метафорический. Эта стадия мышления, полагаем, особенно наглядно запечатлена в содержании фольклорных номинантов. По модели прилаг. + сущ. построены бинарные сочетания *белый свет, зеленый сад, чисто поле, дремучий лес, сине море*, которые как общесловесные языковые формы вербализуют “ландшафтную” зону модели концепта ПРОСТРАНСТВО. Образую парадигму, данные номинации в тематическом статусе уже предстают языковыми средствами, маркирующими фольклорный тип пространственной зоны — “ландшафтный”. Что же касается сочетаемости составляющих их компонентов, то она предопределена древними ассоциациями, возникавшими на основе тесной связи представлений о явлениях и их признаках. В фольклоре коллективное сознание народа — автора устно-поэтических произведений — в членении ландшафтного пространства запечатлено прежде всего с позиции зрительного восприятия интенсивности, насыщенности свето-цветового спектра. См. компоненты *зеленый, чистый, дремучий, синий*, объединенные на основе “свето-цветового” семантического регистра. Так, например, к слову *свет* — ‘нечто белое, открытое’ (в этом исходном значении оно близко к древнему смыслу слова *поле, полый* — ‘свободный, открытый’) присоединилось во времени именно слово *белый*, еще ахроматическое по содержанию; иначе, *белый свет* — это ‘светел свет’. Подобное тавтологическое сложение смыслов, подчеркивает

В. В. Колесов, могло возникнуть только в произведениях народного творчества, т. е. долго они не были ни книжными, ни разговорными [12, 222]. Впоследствии семантика сочетания *белый свет* стала приобретать собственно жанровую специфику, и данная номинация выступает как доминантная в ряду обозначений “ландшафтного” типа. Генетически семантическая согласованность слов обуславливает их устойчивость в совместной сочетаемости, а также присутствие в структуре единого значения экспрессивного ореола, реализующегося в тексте. Общепринятым утверждением стали слова А. А. Потебни относительно признака ассоциативной блоковости, тесно объединяющего компоненты в сочетаниях типа прилаг. + сущ.: “... чем больше вглядываешься в народную песню, сказку, пословицу, тем больше находишь сочетаний, необходимо условленных предшествующей жизнью внутренней формы слов” [13, 35].

Последовательность в организации приведенных фольклорных компонентов в “ландшафтной” парадигме определяется не только “цветовым” семантическим регистром. Место каждой номинации в тематическом ряду после доминантной *белый свет* — это также факт объективации особенностей организации фольклорного содержания концепта ПРОСТРАНСТВО. Основой концептуализации фольклорного пространства (а также времени) во всех жанрах предстает образ-понятие круга, который является господствующим при формировании данного априорного концепта. Обратим внимание, что фольклорная стратегия формирования категории пространства, определяемая моделью круга, свойственна не только языку фольклора, но и языку вообще в его диахроническом состоянии. Впоследствии и ныне, на синхроническом уровне, как отмечают исследователи, язык отражает произошедшую переориентацию в восприятии пространства, определяемом уже образом-понятием прямой [14, 70].

Какие признаки образной универсалии круга моделируют понятие пространства в жанрах фольклора? Они следующие: центр круга, плоскости окружностей, радиально ориентированные на центр, сама окружность — правильная кривая линия и др.

Осмысление номинационного содержания “пространственных” единиц в лексиконе языка фольклора убеждает, что в нем также отразилась, начиная с древних времен, такая пространственная модификация круга, как сфера [15, 55]. Внутри сферы пространство охвачено крестообразно от центра радиально по горизонтали и по вертикали вверх — вниз. Образ-понятие круга и его модификация — сфера — определяют особенность

восприятия коллективным разумом в фольклорном языке именно так “видеть” пространство. Материализация этнокультурной информации ответа на вопрос “Как именно?” зависит от специфики фольклорного языка, статуса единиц, маркирующих признаки пространства.

Радиальная дискретность зоны по горизонтали в фольклорном языке общепанорамно объективирована на основе бинарной оппозиции “свой-чужой”, корреляты которой многомерны в своей представленности. *Зеленый сад* — это ‘свое пространство — познанное, освоенное, неопасное, закрытое, terra culta’. *Чисто поле* — ‘не свое пространство, больше чужое, еще не познанное, осваиваемое, открытое (еще не terra culta)’. *Дремучий лес* — ‘чужое пространство, непознанное, опасное, terra inculta’. *Сине море* — ‘пограничье по горизонтали между своим и чужим, познанным и непознанным, опасным и неопасным, освоенным и неосвоенным’ — также значимый параметр в фольклорной концептуализации пространства. В сферической модели пространства ценностно определяемой является точка центра, в пределах которого находится человек и предпринимает действия в освоении внешнего и внутреннего мира.

Следует подчеркнуть, что в содержании устно-поэтических текстов в зависимости от степени освоенности пространства наблюдается “переключение” в объективации характерологических концептуальных признаков по линии “внешнее — внутреннее (эго-, личностное) пространство”. В связи с этим начинают “высвечиваться” другие возможности языковых средств и способов в манифестации концептуальных смыслов. Проиллюстрируем свое наблюдение. Во внешнем пространстве близлежащим к жилищу человека является окультуренный ландшафтный топос, обозначаемый в фольклорном языке традиционной бинарной номинацией *зеленый сад*, функционирующей в различных вариантах: *зелен сад* (морфологический), *зеленый сад, сад ...зеленый* (морфологический, фонетический), *зеленый садик, зеленый садочек, зелененький сад, зеленый ...садок* (морфологический, фонетический, морфосемантический), *сад, садок* (с “нулевым” аффиксом). Вариантное строение номинации выдерживается в рамках фольклорной традиции и обусловлено экзеплярностью — свойством, присущим языковым единицам. На наш взгляд, вариативность и в связи с этим частотность в пределах ткани фольклорного текста — еще одна из языковых форм репрезентации ценностной значимости тех или иных концептуальных признаков.

Общепанорамная языковая единица *зеленый сад* — знак освоенного пространства, бывшего когда-то в пределах дремучего леса. В былинах, лирических песнях семантика номинанты *зеленый*

сад — преимущественно “женская”. См. ближайшее синтаксическое окружение: *матушкин зеленый сад...*, *девицы красной зеленый сад*. В фольклорных сюжетах, в которых активна ключевая номинация *зеленый сад*, повествуется о мирных ситуациях: встречах, знакомствах, обещающих новые повороты в судьбе: *Посажу я тебя во зеленый сад, / Во зеленый сад, под яблоню* (по контексту — речь идет о сватовстве. — Т. С.). [16, 1, 222]. Признаковость символического обозначения невесты по ее месту нахождения оформляется синтаксическим окружением, образованным от сочетания *зеленый сад*: *Ой, да ты, рябина, да ты, рябинушка. / Ой, да ты садова зелена прикудрявая* (о девушке) [16, 1, 198]. *Зеленый сад со вишеньем. Виноград с орешеньем* (о приданом невесты) [16, 2, 221]. *Есть у ты молода племянница... / У ней как есть в зеленых садах / Дубьица — вязье повывращенное, / Позволь-ка мне ...повырубити...* [10, III, 46]. В данных примерах и в последующих реализовалось древнее представление о тесной взаимосвязи в пространстве Вселенной человека и дерева как воплощение мифа “человек (люди) — дерево (деревья)”. Деревья — носители жизненной субстанции, которая передается человеку и трансформируется в его жизненную силу и здоровье. В фольклорных повествованиях такая ценностная значимость взаимосвязи человека и дерева (и других растений) как центрального локуса раскрывается в контекстах с ключевыми “ландшафтными” номинациями, и особенно в фольклорных строках с сочетанием *зеленый сад*. В последнем примере — в былинных строках — фитонимическое образование *дубьица — вязье повывращенное* — вербальный символ физически

созревшего человека (чаще — невесты), исполненного жизненной силы. Вегетационной зрелости дерева подобен и человек: см. строчки: *...позволь-ка мне ...повырубити...*, т. е. взять в жены. Ср. с содержанием поговорки, бытующей в современной разговорной речи: *По себе дерево срубил*, — так заявляет мужчина о своем удачном выборе жены, с которой прожил уже немало лет. См. также о ритуальном действии — заламывании ветки в лирической песне — знаке предстоящих изменений в жизни женщины: *Черная ягода смородина / Зелена она заломана* (заломил добрый молодец, выбирая невесту) [16, 1, 260].

Ключевая номинация *зеленый сад*, окружающее контекстное содержание с фитонимическими компонентами образуют вербальный символический комплекс как фольклорный способ маркирования ряда взаимосвязанных концептуальных признаков: освоенность пространства и осознание его как *terra culta* в мире природы; значимость фитонимического локуса — дерева, вегетационным циклам которого изоморфны проявления человека: физический, возрастной расцвет, переживаемый положительный эмоционально-оценочный опыт на новом этапе жизненного пути. Здесь приведем некоторые данные ассоциативного эксперимента — реакции (однословные, сверхсловные) на номинационный стимул *зеленый сад*. Выявленные концептуальные дескрипторы “перекликаются” во времени с символической объективацией предназначенности фольклорного топоса и свидетельствуют о некотором сохранении в сознании современных носителей языка этнической традиции в восприятии фрагментов образа мира.

Количество респондентов – 38. Общее количество реакций – 34 на номинационный стимул <i>зеленый сад</i>				
Концептуальный дескриптор, частота			Реакции однословные, сверхсловные, частота	
1.	Завершенность вегетационного цикла (вида, – ов) дерева (-ьев)	13	Яблоко (-и) Яблоня с плодами Урожай Фруктовый сад	9 2 1 1
2.	Вегетационный цикл в процессе (признак по цвету)	5	Яблони в цвету Цветущий Цветы желтые Зелень Белый	1 1 1 1 1
3.	Время сезонное, персональное	5	Весна Лето Молодость	3 1 1
4.	Положительная оценочность	5	Красиво Сказочный сад Красивый и прекрасный	3 1 1
5.	Пространство: часть Вселенной-Освоенное-Около жилья-Предел-пограничье-	4	Природа Парк Дом Калитка	1 1 1 1
6.	Состояние, ощущение	2	Покой, вкуснота	2

В рамках лингвоэстетической сферы, которой являются тексты русского фольклора, анализируемая номинация проявляет свои функциональные свойства: общежанровость семантического содержания при маркировании освоенной зоны, где человек в безопасности может реализовать проявления своего внутреннего мира; художественную образность и символичность; стабильно положительную аксиологичность.

Таким образом, фольклорный вербальный код, являясь транслятором этничности, этнической культуры как наиболее древних и устойчивых форм информационного структурирования мира, считаем, является весьма объемным в своей представленности по языковым способам и средствам. При полижанровости и поликодовости текста репертуар языковых единиц, актуализирующих содержание фольклорных концептов, различен: от морфемы к слову до фрагментов текста, образующих в комплексе фольклорный словарь монолексем и словарь текста. В пределах фольклорного лексикона номинационный потенциал предстает убедительным лингвоэстетическим ресурсом отечественного языка, цель которого — сохранить и передать потомкам богатейшую информацию от имени коллективного автора фольклорных произведений — русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артеменко Е. Б. Язык русского фольклора как эстетически специализированный феномен / Е. Б. Артеменко // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников: В 3 Ч. — Воронеж, 1996. — Ч. 3. — С. 39-41.
2. Гильфердинг А. Ф. Онежские былины. В III Т. / А. Ф. Гильфердинг. — М. — Л.: АН СССР, 1949. — 1951.
3. Евтушенко О. В. Картина мира: от хаоса к космосу / О. В. Евтушенко // Русский язык: исторические судьбы и современность. Международный конгресс. Труды и материалы. — М.: МГУ, 2001. — 518 с.
4. Колесов В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. — Л.: ЛГУ, 1986. — 311 с.
5. Колесов В. В. Логико-философский аспект исследования ментальности / В. В. Колесов // Отражение русской ментальности в языке и речи. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. — Липецк: Липецкий гос. пед. ун-т, 2004. — 445 с.
6. Лирические народные песни: В 2 Ч. — Л., 1955.
7. Лихачев Д. С. Раздумья / Д. С. Лихачев. — М.: Детская литература, 1991. — 318 с.
8. Лурье С. В. Метаморфозы традиционного сознания / С. В. Лурье. — СПб., 1994.
9. Народные песни сел Купино и Большое Городище Шебекинского района Белгородской области. — Белгород, 1995. — 125 с.
10. Осовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора / И. А. Осовецкий // Вопросы языкознания / — М., 1975. — № 5. — С. 66-77.
11. Попова З. Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж, 2001.
12. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — 2-е изд. — Л.: ЛГУ, 1986. — 364 с.
13. Потебня А. А. Эстетика и поэтика / А. А. Потебня. — М., 1976.
14. Толстой Н. И. Язык — литература — культура — национальное самосознание (резюме доклада на пленарном заседании Международной юбилейной сессии, посвященной 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова) / Н. И. Толстой // Вестник Московского университета. — М., 1995. — № 3. — Серия 9. Филология. — С. 140-163.
15. Харченко В. К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова. Метафоры. Афоризмы. Цитаты. Биографемы: В II ТТ. / В. К. Харченко. — Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2003. — Т.1. А — М. — 305 с. — Т.2. Н — Я. — 314 с.
16. Черепанова О. А. Концепт круга в структуре текста и в языке заговоров / О. А. Черепанова // Язык и поэтика фольклора. Доклады Международной конференции. — Петрозаводск, 2001. — 270 с.

Рецензент — В. К. Харченко.